

* * *

На дороге зимней — грязь, приглядишься — соль.
И наступишь трижды, а все ж не оставишь след.
Эта боль в подреберье — только моя лишь боль.
Этот отблеск случайный — самый надежный свет.
Притаиться задумаешь, тенью безликой стать,
в одеяла зарыться пуховые до весны,
обезличить барашков и досчитать до ста.
Когда сын был маленький, были иные сны.
А сейчас только черточки, палочке и тире,
а сейчас только слезы смолы на сухой коре.

* * *

Вот так и вспомнится потом:
мы — три фигуры в зимнем поле.
Кобель, виляющий хвостом.
Внутри ни радости, ни боли.
Прогулка и почти что март,
пытаюсь догонять собаку,
а позади — отец и мать,
а впереди еще, однако,

полжизни — поле перейти
по насту снежному, по корке,
где каждый шаг — провал почти
туда, куда уходят корни,
куда уходят тихо все
любимые неумолимо.
Прогулка в средней полосе,
машины пролетают мимо.

* * *

Мне кажется, зима вновь сменится зимой,
и эти глыбы льда, как сахар кусковой,
что никогда не тает...
Ну, или, может быть, все это — просто сон,
и кто-то из мешка сверху просыпал соль,
урон теперь считает.
Но если претерпеть и таянье и грязь,
то солнышко опять к нам кинется, смеясь,
птиц пение услышишь.
Но что оно для тех, кто выморожен весь,
осталась только тень, осадок, сгусток, взвесь,
и что теперь попишешь...

* * *

И новой жизни пробуя осколки
на вкус, ты кровотокающей губой
вдруг чувствуешь, что жизнь светла — и только
в любом прикосновении с тобой.
И прошлое укрыто снова белым,
очищено от боли и стыда.
Забывшие на лавочке герберы
не зацветут на клумбе никогда.
И пусть... Весною вылезут ромашки,
и незабудки, и пион, и мак.
И караван корабликов бумажных
отправит в путь какой-нибудь чужак.
И пусть в окрестной белизне больницы
мне чудится обманчивый покой.
Я знаю, мне зима сегодня снится,
касаясь лба прохладною щекой.

* * *

Мне тридцать пять, я — сохнущая ветка
у дерева, что поливают редко,

и некому тут почву удобрять,
окапывать, давно ушел садовник,
сам по себе округ цветет шиповник,
весна и в божьем мире благодать.
Я напрягаю внутренние жилы,
чтоб возродить весной ту ветку к жизни
и напитаться соками ствола.
Набухли чтобы почки, и к апрелю,
как на других, еще живых, деревьях,
здесь распустилась яркая листва.
Ветшает все. И этот парк старинный,
скамейка, а под ней суглинок,
что на сандалях мальчик унесет,
останутся офорт, акварелью,
сурдинкой, саксофоном и свирелью,
да просто музыку в унисон.

* * *

Отсидишь целый день на работе,
оттоскуешь по жизни своей.
Снова дни приближают к субботе,
а субботы — к кончине твоей.
Счастье бьется испуганной птицей
за закрытым на зиму окном.
Отчего же тебе не сидится
в теплом доме, пичуга-девица,
и щебечешь ты все об одном?!
Все мерещатся дальние страны
и моря тебя гулом зовут.
Эти мысли считаются странны:
ну какие моря-океаны,
это жизнь — просто пряник и кнут.
Ну какие вершины-глубины?
Ну какая Сибирь и тайга?
Ледники, ледоставы, лавины...
Да о чем ты опять, пустельга?
Всюду дел непочатая чаша,
всюду морок, унынье и стыд.
Кто крылом напоследок помашет?
Кто оплачет, оплачет навзрыд?

